

Е.Н. Пенская

ХЛЕБНИКОВ И СУХОВО-КОБЫЛИН. К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТОЛОГИИ РУССКОГО КОСМИЗМА¹

Статья посвящена компаративному исследованию философско-художественных систем поэта В. Хлебникова и драматурга А.В. Сухово-Кобылина. Речевые, структурные, смысловые совпадения прослеживаются на анализе архивных материалов, хранящихся в ИРЛИ и в РГАЛИ. Рукописные источники позволяют реконструировать исходную среду бытования сочинений, выявить метасвязи с другими текстами. «Ответ Фрейдю» В. Хлебникова и «Разговор с Sigmund Freud» А.В. Сухово-Кобылина относятся к подобным параллелям; сочетание числа и слова в хлебниковских «Досках судьбы» и философском сочинении Сухово-Кобылина «Учение Всемир» позволяет рассматривать их в общей системе координат. В этой связи исследуется «переводческая» ипостась поэта и драматурга, создающих «театр чисел» и трансформирующих обыденную речь в математический язык символов, знаков и формул.

Ключевые слова: А.В. Сухово-Кобылин, В. Хлебников, философия космизма, конволют, стратегия перевода, рукописный источник, текстологический поворот, языковой трансфер.

У нас есть основания для сближения, казалось бы, парадоксального, двух на первый взгляд далеких имен – Хлебникова и Сухово-Кобылина. Оба они, каждый по-своему, принадлежат тем художникам, к инструментам которых, во-первых, применимо хлебниковское определение «самоценное слово», а во-вторых, их объединяет, разумеется, по-разному, принадлежность той ветви мыслительной и литературной практики, которую можно отнести к русскому космизму.

¹ Исследование проведено в рамках проекта Российского научного фонда № 19-18-00353, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Космос Сухово-Кобылина и Хлебникова обладает фактурой, он пластичен и материален. Утопия как драматическое проникновение философии творчества в практическую жизнь – вот главное, что отличает Хлебникова и Сухово-Кобылина от предсимволистов, символистов, модернистов и сближает их между собой. «Лобачевским слова» называл Хлебникова Юрий Тынянов. «Безумствующий математик» – таков Сухово-Кобылин в рецепции С.Т. Аксакова.

На этой «космической» оси, заданной немецким интеллектуальным опытом, располагаются предшественники – утопические «шеллингианские» проекты В.Ф. Одоевского, поиски «геометрической прогрессии» в истории М.П. Погодина².

Обращение к авторским архивам позволяет наметить контуры первоначального бытования рукописных источников, реконструировать исходную среду сочинений, их вещную «родословную», более полно выявить метасвязи с другими текстами, а также расслышать переклички, не очевидные вне текстологического анализа.

«Ответ Фрейду» Хлебникова и «Разговор с Sigmund Freud» Сухово-Кобылина относятся к подобным параллелям. Так, хлебниковская статья написана в 1920 г. на обороте листов поэмы «Ладомир», сохранившейся в виде чернового автографа в тетради и на отдельных листах [2. Л. 1–15].

«Разговор с Sigmund Freud» Сухово-Кобылина (не ранее 1889 г.) входит в состав конволюта. Он сшит с «Вариантами предисловия к “Трилогии”» и «Набросками планов, кратким изложением отдельных глав, схемами и конспектами к III тому философии» [3. Л. 81–96].

Фрейд в статусе персонажа как повод создания космоса для обоих «собеседников» оказывается центральной фигурой, в чей адрес направлена речь. Вокруг Фрейда формируется космическое поле и космические атрибуты. «Ответ Фрейду» и «Разговор с Sigmund Freud» конволютны по своей природе. Они создают экспозицию и пускают корни, ветви, наглядно прорастая в другие сочинения всей своей полнотой соединительной космообразующей ткани.

Хлебниковский репертуар «Ответа» однообразно-разнообразен. Он содержит полтора десятка словесных «ядер» – главок-разделов,

² О его смысловых пересечениях с Хлебниковым исследователи уже упоминали [1. С. 140–158].

выделенных графически и объемно. В них важна внутренняя пульсация рваной неровной строки, создающей физически осязаемое бие, ритм космоса:

Критик – это прокурор.
Мы подсудимые. Он жандарм.
Он представитель статики пространства.
Мы как воины времени, воины будущего.
Мы разрушаем настоящее, строим новые леса
времени, вбиваем в соборный мозг сваи, перекидывая
стропилы и конек крыши.
Кр<итики> как городовые от искусства кричат «разойдись»,
и уличный шум и вес<елье> многих, и карают
за нарушение общественной тишины и беспорядки,
сажают в поэтическую кутузку, т.е. обрекают на голод речи,
заносят на черную доску списки тех лиц, которых
нельзя печатать – <так как> они нарушители установившихся нра-
вов [2. Л. 2 об.]³.

Сравним, сухово-кобылинский «Разговор...» шит с философскими фрагментами и отрывками, а также с книгой Фрейда «Studien über Hysterie» (1895), которая хранилась в библиотеке в Кобылинке и уцелела после пожара в 1899 г. «Разговор...» имеет прямое отношение и к «Трилогии», поскольку в тексте заметны следы обращения «К публике», открывающего драму «Дело». Таким образом, впитывая, соединяя несоединимые тексты, «Разговор...» приобретает значение фона, экрана, зеркала. С другой стороны, в нем, как в волшебном фонаре, создается новая оптика; согласно физическим законам происходят различные метаморфозы и почти «химические» трансформации веществ:

если какой-нибудь Добросовестный из цеха Критиков и приступил бы к нам с своим казенным аршином и клейменными весами, то едва ли такой официал Ведомства Литературы и журнальных Дел может составить себе понятие о том равнодушии, с которым я посмотрю на его суд...

Критик – это судья? Критик выносит приговор... Критик = кварталный надзиратель...

³ Воспроизведено по расшифровке, выполненной Валентиной Мордерер. По следам. XV. URL: https://www.ka2.ru/nauka/valentina_18.html.

Пора и этому суду стать публичным. Пора и ему осознать всю трагедию мироздания. Звезды сошлись... единственно ради этих внутренних движений и сотрясений ...

За сим особенно упираю я на То, что за таковой вашей Критикой... Этот по возрасту второй Расплюев уже Чиновник, а не Разночинец, был для меня целая Задача; не есть интеграл... ибо Вопрос состоял именно в том, чтобы выставить его в этом новом и торжествующем [Положении] Моменте и чтобы этот Метаморфоз был бы логичен... [З. Л. 11].

В нашу задачу не входит подробное обсуждение феномена космизма в разных его ипостасях.

Термин «космизм» содержит два значения: космос как пространство и греческий κόσμος как порядок, высший образец мироздания, гармоничный упорядоченный мир, противопоставленный хаосу и энтропии. Синтетическая природа этого направления русской мысли охватывала философию, поэзию, художественное творчество, естественные науки. Ему присуща зыбкость границ, множественность наименований (например, «проективная философия»), противоречивость, разнонаправленность линий, «списков имен» и утопических форм бытия, а также сочинений, созданных космистами. Традиционно к одной из русских «точек отсчета» относят фигуру Николая Федорова (1829–1903 гг.), труды которого были собраны в книгу «Философия общего дела». Ядро философии – корпус рецептов оживления мертвых и способы применения этой «прагматики воскрешения». Структурирование человеческого мира включало и сопутствующий телесный мир вещей. В этой федоровской картине библиотека и музей занимают ментально и биографически особое место, поскольку они классифицируют ряды и создают каталогизированное иерархическое пространство с определенной навигацией. Неслучайно встреча Константина Циолковского и Николая Федорова произошла в Румянцевском музее в Доме Пашкова, где Федоров служил библиотекарем. К прозрениям Циолковского относят формулу движения реактивной ракеты, а также детальные описания изменения человека, появления непроницаемого покрытия, приспособленного для существования в космических условиях. Александр Вернадский впервые ввел понятие «ноосферы» – оболочки Земли, созданной под влиянием человека. По мысли Вернадского, Космос является управляющей силой для земного бытия, организованного по

тем законам, что заданы Космосом. Идея замещения природного искусственным, разумно-рукотворным «ноосферна» по своей сути. «Солнечная ипостась» философии русского космизма разработана Александром Чижевским, ученым, художником, поэтом. Изобретатель люстры, маркированной его авторским именем, он связывал биологические явления с явлениями астрологическими через электромагнитную энергию. Мы эскизно наметили лишь один из ключевых срезов русского космизма. Он достаточно наглядно свидетельствует о широком разбросе, неупорядоченности мыслительных и практических экспериментов.

Изучение русского космизма началось еще в 1920-е гг. По тем или иным политическим и социо-культурным причинам оно прерывалось, возобновлялось, оставаясь в лучшем случае монографически сосредоточенным на каких-либо отдельных сюжетах. Попытки системно описать русский космизм и выявить его закономерности начинаются лишь в 1990–2000 гг., когда выходят сборники и антологии, предлагающие различные принципы сборки общей картины. Одна из главных проблем, очевидная для исследователей, – расплывчатость объема и содержания явления, вибрации, что претерпевает сама эпистемилогизация. Попытки выявить отличия отечественных космистов от европейских «родственников» также не всегда успешны:

Избежать неправомерного и безмерного расширения этого философского течения можно, если сразу же обозначить принципиально новое качество мироотношения, которое является определяющей его генетической чертой. Это идея **активной эволюции**, то есть необходимости нового сознательного этапа развития мира, когда человечество направляет его в ту сторону, в какую диктует ему разум и нравственное чувство, берёт, так сказать, штурвал эволюции в свои руки. Поэтому, возможно, точнее будет определить это направление не столько как **космическое**, а как **активно-эволюционное** [4. С. 3].

Этическое начало атрибутируется исследователями как доминирующая категория и выступает в качестве одного из магистральных критериев группировки «космических» позиций и текстов. «Русский космизм – это определённая ориентация целой культуры, в частности, российской, в основе которой лежит мировоззрение живого нравственного Всеединства» [5. С. 9].

Отдельная дискуссионная тема – феноменология целостного знания и науки [6. С. 185–202]. Именно здесь ряд исследователей видит корень проблемы универсального синтеза [7. Р. 19], которую рассматривали П.А. Флоренский в «Столпе и утверждении Истины», Вл. Шамаков в «Основах пневматологии», П.Д. Успенский, изложивший по лекциям Г.И. Гурджиева диаграмму «Луча творения», где мир понимается как живой организм, Д.Л. Андреев в «Розе мира», А.А. Богданов, сформулировавший концепцию архетипа всеединства в тектологии (1912) [8. С. 6–11].

Составляя собственный компендиум о русском космизме, Борис Гройс анализирует «формулу», ответственную за базовую структуру идей (в ее основе – объединение, упорядоченность, освоение Космоса, единство Вселенной и бессмертие человека, обладающего разумом и приручившего науку):

Русский космизм не представляет собой целостного учения. Скорее речь здесь идет о круге авторов конца XIX – начала XX веков, для которых видимый космос стал единственным местом жизни человека – после краха исторического христианства <...>. Из этой утраты, можно было сделать различные выводы. Одним из таких распространенных в то время выводов был отказ от мыслей о личном бессмертии и судьбе мира в целом <...>. Теоретики русского космизма сделали противоположный вывод из «смерти Бога». Они призвали человечество к установлению тотальной власти над космосом и к обеспечению индивидуального бессмертия для каждого живущего или жившего раньше человека. Средством реализации этого требования должно было стать централизованное мировое государство: русский космизм был не только теоретическим дискурсом, но и политической программой [9. С. 7].

Логика составления последнего сборника и отбор не самых репрезентативных текстов вызывает немало вопросов. Так, в публикации, посвященной А. Богданову, рассматриваются некоторые принципы будущего общества, но без всякой связи с бессмертием, космической экспансией и восстановлением мертвых, что составляет сущность космизма, вторая посвящена узкой проблеме переливания крови, а в третьем научно-фантастическом рассказе бессмертие критикуется, затемняя понимание космизма Богданова.

Весь этот краткий и отнюдь не последовательный обзор проблем, связанных с изучением данного среза истории идей, не претендует

на полноту. Он выявляет «перспективную тревогу» по отношению к тому, как сегодня неравномерно и противоречиво картографируются явления и тексты, изначально относимые к сфере космизма.

Генеалогию, общий генезис мысли, намечаемый совместными междисциплинарными усилиями, с некоторой долей условности можно отнести к «области согласия» исследователей. Думается, одна из корневых проблем заключается в том, что возрастающий читательский интерес к феномену русского космизма не получает квалифицированного академического подтверждения. Она кроется в некотором – впрочем, неизбежном – произволе эдиционной практики, отсутствии отчетливой источниковедческой базы и методологии, неимении отрефлектированных текстологических подходов, апробированных хотя бы на локальных сюжетах.

Философско-математический и лингвистический (языкотворческий) извод космогнозхатологии, сочетание числа и слова в единстве речевых прозрений позволяет рассматривать драматурга Александра Сухово-Кобылина и поэта Велимира Хлебникова в общей системе координат. Как было показано выше в самом начале нашего рассуждения, есть и еще один фактор сопряжения этих фигур: особая чувствительность к первичной рукописной форме рождения образа, той ранней самой живой незакрепленной стадии возникновения слова, когда текст пластичен, не завершен, способен вобрать другие темы, модифицировать плоскость страницы и развернуться в любом новом направлении, подчас, неожиданном для самого автора. Погружение в рукописное закулисное творческих лабораторий сквозь черновики, множественные варианты, слои надписей, монтаж зачеркиваний и вставок, маргиналии на полях позволяют предугадать инобытие литературного высказывания, различить сложность смысловой фактуры текста. Допечатное или внепечатное существование словесной ткани в случае Сухово-Кобылина и Хлебникова дает возможность реконструировать внутренние дополнительные скрытые связи в русском космизме.

Пожалуй, впервые Хлебникова и Сухово-Кобылина в один ряд интуитивно поставил Вяч.Вс. Иванов. В его диалоге о сложности сознания и связи с космосом речь идет о классификации типов цивилизации по уровню технологического развития. Предшественником современных размышлений на эту тему Вяч.Вс. Иванов считает Сухово-Кобылина,

первого автора театра абсурда. Он писал до сих пор не напечатанные философские сочинения наряду с теми гротескными комедиями, где отражен его собственный тяжелый опыт столкновения с российской судебной машиной, чуть его не поглотившей полностью и отнявшей многие годы жизни, ушедшие на тяжбу и жалобы. Эти философские работы вместе с переводами из немецкой классической философии пропали во время пожара в его имении незадолго до конца его долгой жизни. Но среди уцелевших рукописей есть «Всемир» (название почти из Хлебникова, хотя написано это сочинение до появления футуризма: великий писатель умер в самом начале нашего века) [10. С. 579].

Следуя интуиции Вяч.Вс. Иванова попробуем описать символическую встречу версий «двух космизмов» Хлебникова и Сухово-Кобылина, их гипотетический диалог. Необходимо, однако, очертить контуры этих версий. Сразу же оговорим возможную противоречивость, заложенную в такой интерпретации, оставляющую больше вопросов, чем ответов. Она обусловлена совокупностью причин.

Временные границы: Сухово-Кобылин работал над своей философско-художественной системой более полувека; хлебниковская вспышка заняла примерно два десятилетия. Для того и другого пребывание внутри создаваемого «космоса» составляло главный принцип личного бытия, поведения, стиля жизни.

Жанровые формы: в случае Сухово-Кобылина исследователь имеет дело с разрозненным набором рукописных фрагментов, имеющих два модуса. Модус первый – самостоятельный, автономный. Модус второй – тесная связь с сжатым, спрессованным космосом его театральной «вселенной». «Всемир», по мысли Сухово-Кобылина, – это «всемирное человечество» – «вся тотальность миров, человечеством обитаемых во всей бесконечности Вселенной». Собственно, два «всемира» неотделимы друг от друга; анализ рукописей позволяет воочию убедиться, как происходит прорастание одной стихии мысли и речи в другую, форма философского эссе, рассуждения в драматической транскрипции оборачивается гротескным, буффонным сценическим решением [11. С. 54–67]. Случай хлебниковского космизма не поддается локализации. Это доминирующая стихия, в которой существует хлебниковское слово, организующее вселенную и в то же время в каждой своей микроклетке внутреннего целостного ядра и внешней оболочки содержащее космос. В самом деле, «попытка отделить стихотворные произведения Хлебникова от других его текстов

привела к широкому распространению убеждения – или заблуждения, – будто большая часть его поэзии недоступна для понимания. Однако идеи, на которых основаны не имеющие жанровых аналогов «Доски судьбы», возникают и в стихотворном творчестве, причем в самом разном обличье». Закон равноправия всего написанного поэтом, независимо от «статуса текста» – будь то «несколько слов на клочке бумаги, никогда не публиковавшиеся, столь же значимы, как и стихотворение, которое многократно печаталось» [12. С. 5–32].

Pro et Contra – противоречия и конфликты интерпретаций данной сферы не в последнюю очередь обусловлены применительно к Сухово-Кобылину практически полным отсутствием текстологических подходов, произвольностью публикаций и группировки выборочно расшифрованных рукописных фрагментов⁴. Однако, несмотря на то, что сухово-кобылинский космизм остается в сфере домыслов и догадок, благодаря ряду издательских усилий мы все же за последнюю четверть века получили доступ к философским сочинениям, пусть и в разрозненном микроскопическом объеме. Тем не менее даже столь малая доля сочинений в совокупности открывает выход совсем в иную реальность, казалось бы, радикально отличную от той узнаваемой и привычной, что зримо и выпукло представлена в драматической «Трилогии». Между тем мнимость расхождений удастся снять при соположении рукописей и обнаружении в них совпадений – прямых повторов и пересечений.

Обследованность хлебниковского мира⁵ несоизмерима с теми штудиями, что проводили и готовы проводить историки театра и литературы, интерес которых связан с изучением наследия Сухово-

⁴ Преимущественно тех, что сосредоточены в центральном, доступном для исследователей фонде 438 в РГАЛИ и переписаны набело рукой помощника Сергея Манухина, «вклад» и «редактуру» которого никто из публикаторов никогда не прояснял. Но это тема отдельного специального анализа. Сохранившиеся массивы текстов, перебеленных непосредственно автором, в силу особенностей почерка, напоминающего немецкую готическую вязь, непросто поддаются прочтению.

⁵ Основной архив В. Хлебникова находится в РГАЛИ (ф. 527. Оп. 1–2). В ИРЛИ – примерно 10 ед. хр. Имеются фонды в ИМЛИ РАН (№ 139. Оп. 1) <http://хлебников-велимир.рф/archives/imli.htm>; в РНБ (№ 1087. Оп. 1) <http://хлебников-велимир.рф/archives/rnb.htm>; отдельные материалы есть в РГБ в составе фонда Вяч. Иванова (№ 109).

Кобылина. Масштабы действий и их успешность планетарно различны. Присутствие Сухово-Кобылина лишь в нескольких антологиях представляет собой песчинку по сравнению с растущим объемом изданий [13] исследовательских расшифровок, комментариев [14], находок, уточнений, связанных с творчеством Хлебникова, чей космос имеет уже как минимум тридцатилетнюю полноценную историю освоения [15] со своими микро- и макрособытиями, подъемами и спадами. 1990–2000 гг. – безусловно, кульминационный период в этом процессе покорения и текстологических открытий.

Итак, космизм Сухово-Кобылина уместается в корпус текстов, рамки которого ограничены тремя составляющими: философией «Всемира», переводами Гегеля и театральным циклом. Энергетику космоса несут все без исключения жесты Хлебникова, закрепленные в слове, среди которых к самым репрезентативным, космосообразующим относятся «Доски судьбы» – «книга, соединяющая хронологические таблицы исторических событий, даты жизни великих людей, алгебраические формулы с уравнениями жизни писателей («Уравнение жизни Гоголя»), стихи, философские выкладки, мысли и заметки из записных книжек. Здесь же находятся многочисленные черновые блокноты, альбомы и отдельные черновики с записями вычислений» [16]. «Всемир» Сухово-Кобылина и «Доски судьбы» Хлебникова в каком-то смысле зеркальны по отношению к их собственным внутренним универсальным смысловым построениям, но в то же время зеркальны и по отношению друг к другу. «Всемир» так же, как и «Доски судьбы», составляет центральную ось в авторской универсальной практике и картине мира, «Всемир» так же, как и «Доски судьбы» содержит множество внутренних элементов, содержательно не раскрытых.

В дальнейшем предпримем поиск «ключей», в том числе текстологических, к перекличкам и феномену взаимных отражений. Предполагаем, что подобный «эхо-эффект» подлежит осмыслению.

Сухово-Кобылина и Хлебникова сближает постоянное стремление структурировать и упорядочить мироздание. Эта общая тенденция по-разному реализуется в разные периоды, имеет разные биографические и творческие мотивации.

Время есть движущая, т.е. текущая (протекший год) материя. Год есть метрическая чувственность, единица времени, есть эмпирическая данность, тот эллипс, который протекает наш около Солнца циклирующий земной шар, есть первая косная модальность бытия вещей, есть оное пройденное пространство бытия вещей, читейшая внешность, без субъективная и без духовная видимость (усмотренность в телескоп). Пройденное пространство есть время. Год. Сутки. Час, минута и секунда. Год есть данная астрономами единица времени, посредством которой исторический человек измеряет долготу своей и своих земных братьев экзистенции. Сутки определяются как $1/365$ часть года... Часть как $1/24$ часть дня и минута как $1/60$ часа. Целокупность дробей есть ряд, есть закон. Таким образом, время есть бытие вещей в продвижении истории⁶ [17. Л. 8, 8 об.].

Пусть время есть некоторый ряд точек $a, b, c, d...m <...>$ дальнейшие точки могут быть более тождественны, чем две соседние, $<...>$ точки m и n тогда подобны, если $(m - n)$ делится без остатка на y . В законе рождений $y=365$, в лице войн $y=365 - 48 = 317$ годам. Начала государств кратны 413 годам, то есть $365+48$ [18. С. 631].

Первый фрагмент «Учение о времени и пространстве» Сухова-Кобылина продолжается рассуждением Хлебникова «Математическое понимание истории. Гамма будетлян» – третий параграф «Нашей основы». Если воспользоваться метафорой В.Я. Брюсова, присутствующей в стихотворении «Сонет в форме», проследим эти «тонкие властительные связи», обращаясь и к текстологии архивных источников.

= 0: 1 = 1: * «Формула Всемира» [19. С. 19] – главный закон бытия выстрадан Сухово-Кобылиным и оплачен муками семилетней судебной тяжбы, постоянной перепиской с государственными инстанциями, вынужденным погружением в бюрократическую преисподнюю, познанием иррациональности и поглощающего абсурда российского устройства. Эта «Формула Всемира» переводится на другой (понятный, человеческий язык) в пьесах. «Темнота... – в ужасе шептал Муромский. – Среди темноты ночь, среди ночи обоюдоострость... А тут как бы игрищем судьбы является и факт собственного сознания» [20. С. 298]. Выявление закономерностей в собственной биографии вырастает в отрефлексированную концепцию,

⁶ Во всех цитатах текст Сухова-Кобылина дан в авторской орфографии и синтаксисе.

доказательность которой он проверяет на самом себе. «Странная судьба» – это собственный автобиографический универсальный канон, «формула личного бытия», повторяющаяся в эпистолярном корпусе, дневниках, репликах персонажей. Сухово-Кобылин составляет словно бы единый текст – свои «Доски судьбы».

Идея всеобщего единства для Сухово-Кобылина – это поиск универсальных соотношений, необходимых для «селекции», «чистки», подготовки к «Страшному Суду», а затем к переходу в новое качество. Вот как выглядят его тезисы, повторяемые в разных фрагментах:

Теорема коэффициентов оных абсолютных урядителей Вселенной в их универсальных значениях. Урядители и водители Вселенной. Вселенские водители 0, 1 – бесконечность. Это суть элементы мира и первосозданные категории. Они тождественны по содержанию и различны по времени и форме [21. Л. 15].

Для Хлебникова объединяющую роль играет единая речь. Он стремится создать письменный язык, общий для всех народов третьего спутника Солнца, построить письменные знаки, понятные и приемлемые для всей населенной человечеством звезды.

Думая о соединении человеческого рода, но столкнувшись с горами языков, бурный огонь наших умов, вращаясь около соединенного заумного языка, достигая распылением слов на единицы мысли в оболочке звуков, бурно и вместе идет к признанию на всей земле единого заумного языка [18. С. 620–621, 623].

Поиски Хлебниковым и Сухово-Кобылиным упорядоченности и единой логики нередко вращались вокруг исторических событий, имен, дат. Особая чувствительность к числовому ряду тоже удивительным образом объединяла их. Каждый шел своими мыслительными путями в поисках алгоритмов, обладающих строгой математической доказательностью. Совпадающие соотношения в истории для Хлебникова кратны двум, исторические альтернативы кратны трем.

Сухово-Кобылин составляет оси, на которых отмечает даты, строит графики и диаграммы событий, вычисляя математические закономерности. Так, к примеру, первый том «Философских писем» включает двенадцать «отрывков»: «Предтечи Гегеля» (три эссе), «История Гегелева предсмертного положения» (два эссе), «Темнота Гегеля и Гераклита», «Гегель думал сущестительными», «Личность

Гегеля и Наполеон», «Промяхи Гегеля», «Поход к Иенской речи», «Иенская речь», «После Иенской речи» [22]. Драматург выводил свой философский словарь, индексируя в нем случайные величины или процессы главным образом через параметр исторического времени. В лингвистическом оформлении гегелевской мысли Сухово-Кобылин видел преобладание существительных, образующих «острые углы» – геометрические конструкции и зарисовывал их на полях рукописей [23]. Случайные процессы в «гегелевском комплексе» он называет **процессами с непрерывным временем**, потому что переход из одного эпистемологического состояния в другое может происходить в любой момент времени. Функция колебаний и подвижности этих случайных умственных состояний в сухово-кобылинских рассуждениях закрепляется формулой $X(t_0)$ и содержит систему координат, в которой протекают процессы, меняясь только в моменты времени $t_1, t_2, t_3...$

Непосредственный анализ самих рукописей дает возможность оценить функциональность сшивания, скрепления рукописных блоков и авторского создания коллекций – конволютов как смыслового единства. Стохастические процессы гегелевской философии, обнаруживаемые философом-драматургом [24], зеркально отражаются в «Картинах прошедшего» модификациями «случайных» категорий.

ДЕЛО

Иван Сидоров. Не крушися, мой отец, – ей, не крушися; все в руках Господних! **Случалось** и мне на моем веку, и тяжело **случалось**. Иное дело, посмотришь, и Господи, напасть какая; кажется, вот со всех сторон обложило, а Бог только перстом двинет – вот уж и солнышко [20. С. 79].

Тарелкин. Знает. Он все мытарства прошел. Как порассказал мне его управляющий. – Боже мой, чего с ним не делали: давал он через третье лицо; третье лицо хватило его на полкуша. Стал сам давать – хуже. Кому даст – тот болен; на его место новый – мнение пишет. А тут еще какой **случай** вышел... [20. С. 90].

Тарелкин (выходит из кабинета, держа двумя пальцами ассигнацию, и показывает ее). ...Ведь вот и тут ничего не будет, – ничего! Оберет он меня, каналья, оберет как липку; как обирал – так и оберет. Хотя бы в щель какую, в провинцию забиться; только бы мне **вот Силу да Случай**, да я таким бы взяточником стал, что с мертвого снял бы шкуру; право, бы снял – потому нужна! Так вот что удивительно: нет вот мне **ни Силы, ни Случая**. (Задумывается.) [20. С. 93].

Князь (вздыхает и трет желудок). Фу-у-у!..

Варравин (тихо Князю). Не прикажете ли чего?

Князь. И сам не знаю, давно этак не **случалось**.

Муромский (расставив руки). С тех пор как свет стоит, **не случалось!**.. Много в нем неправды бывало – ну этакого **случая** не найти!.. Вот как фокус какой: из ничего составилось дело, намоталось само на себя, да нас как ... мух каких в эту паутину и запутало. ... благоволите выслушать далее [20. С. 110].

Варравин (раскинув руки). Самый **необыкновенный случай**, Ваше Превосходительство. Пришел, как по всему заметно, проситель... [20. С. 132].

Тарелкин (делает жест). И концы в воду... Мертво и запечатано!..

Варравин. Т-с-с-с!.. (Приостановясь.) Какой **необыкновенный случай**... (Медленно крестится.) Дай Бог ему Царство Небесное [20. С. 136].

СМЕРТЬ ТАРЕЛКИНА

К читателю. Если сцены эти доставят ей несколько минут простого, веселого смеха и тем дадут **случай** на время забыть ту Злобу, которая, по словам Писания, каждому Дневи довлеет, то я сочту себя вполне удовлетворенным [20. С. 140].

Тарелкин. Решено!.. не хочу жить... И я кончил свои счета, сальдировал долги, квит с покровителями, свободен от друзей!.. **Случай**: на квартире рядом живут двое: Тарелкин и Копылов. Тарелкин должен, – Копылов не должен. Судьба говорит: умри, Копылов, и живи, Тарелкин. – Зачем же, говорю я, Судьба; индюшка ты, Судьба! [20. С. 142].

Тарелкин. Ну полноте, господа, – прошу вас; – ну развяжите мне руки – прошу. – Ну что же? – ну **случайное** сходство.

Расплюев. Да, да – стало, действительно **случайное** сходство [20. С. 163]

Варравин. Ну, Расплюев, молодец! – **Редкий случай**. Вот что дорого: взял и не выпустил [20. С. 170].

Варравин. Для дурачков и будет!.. Этих **случаев**, сударь, веками дожидаются. Это всякому лакомый кус. Тут награды, кресты, чины. [20. С. 171].

Тарелкин (в глубине сцены снимает парик, вынимает зубы, горбится и принимает прежний вид Копылова. Потом обертывается и выходит на авансцену. Медленно окинув взглядом публику). Господа, вам не надо ли управляющего именем?.. Одно слово, введу вам прогресс: рациональное Хозяйство на вольнонаемном Труде... так обделаю, что только ахать будете. ... Право, подумайте. ... **Харрроший случай!**.. (Подождавши.) Что же? Нет?.. Не хотите? (Обращаясь к одному из зрителей.) Сделайте одолжение, милостивый государь, потрудитесь записать на случай мой адрес... [20. С. 188].

Любопытно отметить, что в комедии «Свадьба Кречинского» «случай», «случайное» появляется в ней изредка как естественный оборот речи. Зато маркеры стохастических процессов в драме «Де-

ло» и в комедии «Смерть Тарелкина» заметны. Их частотность возрастает к середине-концу 1860-х гг., что наглядно представлено в черновых выкладках Сухова-Кобылина, где он специально вычерчивает траекторий «случайных соединений и ансамблей» в истории мысли и в науке [25. Л. 17–18, 18 об.].

О «Досках судьбы» Хлебникова написано немало [26, 27]. Исследователи трактуют «Доски» многозначно – это законы, правила, сочетание текстов, которые подлежат расшифровке. Но «Доски» – это еще и строительный материал в буквальном смысле; его основа – это числа, двойки и тройки. История и время – это тоже строительные матрицы, из которых строится картина мира и истории.

Как уже отмечалось выше, уравнение «вечной жизни» Хлебникова, где сопрягаются все времена, многогранно перекликается с алгоритмами «Всемира» Сухова-Кобылина. Хлебников следует по пути, открытому Пифагором: срок человеческого бытия в прошлом, будущем и настоящем измеряется тысячей лет. За это время человек трижды рождается и умирает, трижды меняя «оболочку». $105+104+115=742$ года 34 дня [28]. Невозможно в пределах данной статьи обсуждать числовой мир Хлебникова, тем более, что он достаточно подробно изучен [29]. Числа присутствуют повсеместно: и в брошюре «Время – мера мира» [30], и во многих прозаических и поэтических контекстах. В «Досках судьбы», так же как и в стихотворениях, присутствуют числовые сети, словно бы наброшенные на высказывание сверху для уловления смысла.

Хлебниковым создан персонаж по имени Числобог, существо, овладевшее законами времени, уловившее его в свои линзы и зеркало.

Это был великий числяр.

Каждый зверь был для него особое число.

Он узнал личное число по поступу, по запаху... [31. Л. 7].

И звезды это числа,

И свободы это числа,

И смерти это числа,

И права это числа.

Счет бога, измерение бога

Мы, богомеры, написали на знамени [32. Л. 29].

В «Досках судьбы» можно наблюдать движения числовых рисунков, выраженных константным для Хлебникова комбинаторным сочетанием двоек и троек, попарно меняющихся местами, как в танце.

$$\frac{3^2 \cdot 2^{32} \cdot 2^3}{(3+2)^2 \cdot 3^3 \cdot 2^{(3+2)}}$$

[33. Л. 27].

Отметим, что в хлебниковских «Досках судьбы» и «Философии Всемира» Сухово-Кобылина число 365 является опорным. Хлебников визуализирует его «математическую морфологию» посредством $3^5 + 3^4 + 3^3 + 3^2 + 3^1 + 3^0 + 1$. Числовой рисунок Сухово-Кобылина – это зримая «пляска» пятерок: $5+5+5+5+5^2+5^3+5^2+5^3+5^2+5^2$.

Пятерки, представляемые поочередно – целостно, либо вскрытые – «вспоротые» (в терминологии Сухово-Кобылина) в виде внутренней суммы $(3+2)$ «трактуют логическую будущность человечества в бесконечных неупорядоченных периодах времени, мы можем будущность эту понимать только в ее логической или теоретической форме, следуя изначальным алгоритмическим предписаниям Аль Хорезми; причем органическую форму принуждены игнорировать и лишь в отдаленном будущем предполагать себя – свое потомство – способным ее усмотреть в ритмическом чередовании симметричных $5^2 + 5^3 + 5^2$ [34].

Как пронизательно отмечают исследователи, «у Хлебникова число 365 подобно вращающемуся зубчатому колесу, шестерне, то есть время как бы прогрызает себе путь через историю. Этот образ связан с образом косы в последнем строке отрывка из «Детей Выдры». Число 365 уподоблено инструменту жатвы. Таким образом, оно словно бы пожинает урожай истории, – то есть играет (по отношению к истории) роль смерти с косой. Именно это делает Хлебников в «Досках судьбы»: образно говоря, он “пожинает” историю косой числа 365» [12. С. 87-88].

Еще одно совпадение, объединяющее космизм Хлебникова и Сухово-Кобылина, – это особая чувствительность к природе числа «одиннадцать». В одном из блокнотов Хлебникова с черновыми рас-

четами, предназначенными для «Досок судьбы», находим «портрет» и обоснование особой структуры числа 11:

Почему 11 есть особая мера счета: при помощи его 3 и 2 могут переходить из неба степени на землю степени не меняя общего здания чисел. Весь храм чисел от такой прогулки не обрушивается, не падает и не обваливается. Там же **боги переодеваются, надевая личины земли**, где нужно чтобы бог стал человеком, а человек богом, и весь храм остался твердым. Так 11 – ворота в храм чисел, откуда переодетое божество смешивается с толпой людей и люди посходят на небо. 11 есть свободный пропуск между небом и землей, туда и обратно [32. Л. 19].

Ср. у Сухова-Кобылина в его философских штудиях:

Ныне изобретенные велосипед и автомобили суть уже почин летания и суть действительное летание по горизонтальному протяжению. Оно столь же очевидно, как численная константа $11 = 11 \cdot 1$. Их употребление прямо бьет на дальнейшее развитие в человеческом теле легких и, следовательно, ведет к улетучиванию человечества, т. е. к уменьшению удельного веса человека. Очевидно, как скоро удельный вес человеческого тела станет выравниваться с удельным весом воздуха, летание становится возможным, и самая жизнь, ускоряя свой темп и возводя температуру крови на степень температуры птичьей крови, открывая возможность создать аэростаты, плавание на которых становится при легчании тела безопасным, а вместе с тем возвышается как перемещаемость, так и деятельность самого человеческого организма, которая сравнительно с птицами стоит на такой оскорбительной низости. В этом случае здесь следует заметить, что при наблюдении полетов больших птиц – кондоров, орлов, коршунов – и малых птиц – ласточек, стрижей, королек, а за сим пчел, оводов, мух, комаров и мошек можно с достоверностью утверждать, что объем тела в летающих животных состоит в обратном отношении к их перемещаемости, как 1: 11. Все летающие суть превосходные аэростаты. Нам предстоит зреть театр аэростатов, на сцене которого действующие лица – суть тела летающих насекомых. Они представляют массы, насквозь пронизанные пустотами [35].

На полях черновика видим рисунки Сухова-Кобылина – вязь и виньетки, в основе которых можно разглядеть цифровые комбинации числа «одиннадцать». Они обрамляют реплику из комедии-шутки «Смерть Тарелкина»:

Людмила. А как я на постель полезу, так он, мошенник, рылом-то в стену и обернется. Так вот я с ним одиннадцать годков (подчеркнуто карандашом. – Е.П.) и мучилась; глаза выплакала с разбойником; глаз, бы-

вало, не сомкну, все плачу, а он дрыхнет себе да и только, горой его раздуй; а теперь, жеребец, и от меня отрекся, и от детей-то отрекся, кормить не хочет; это не мои, говорит, дети. Чьи ж, мол, эти дети, коли не твои? Укажи, чьи? Так не указывает [20. С. 177].

Мир чисел фигурирует и у Сухово-Кобылина, и у Хлебникова как принадлежащий театру, лицедейству, маскараду. Хлебников и Сухово-Кобылин в каком-то смысле и режиссеры вселенского спектакля, и посредники-переводчики в создании особого «языка космоса». И тот, и другой создают «речевой трансфер», транскрибируя речь обыденную в математических знаках и символах. Число и слово в этой системе «русского космизма» достоверно и наглядно передают «многопротяженное единство мира». Космизм Хлебникова и Сухово-Кобылина объединен тем, что человек в картине мироздания умалется до предела, становится равен нулю. Об этом хлебниковском «исчезании человека» толкует и Ольга Седакова [36. С. 568–584], упоминая о проницательной догадке Х. Барана: геометрия Лобачевского «иконически отражает глубинную структуру мифа» [37. С. 550–567].

Текстологический поворот в изучении литературно-философских утопий позволяет глубже оценить смысловые и речевые находки, взаимные пересечения и вклад в историю русской «космической мысли», сделанный Хлебниковым и Сухово-Кобылиным.

Литература

1. *Виролайнен М.Н.* «Сделаем себе имя». Велимир Хлебников и М.П. Погодин: миф числа // Имя – сюжет – миф: проблемы русского реализма. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1995. С. 149–159.
2. *Хлебников В.* Ладомир. РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 9. Автограф // Электронный архив русской литературы. URL: <http://hlebnikov.literature-archive.ru/ru/content/ladomir-roema-chernovoy-autograf>.
3. *Сухово-Кобылин А.В.* Философские письма, или этюды спекулятивной философии в ее поступании за Гегеля. I том. Варианты // РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 55.
4. *Семенова С.Г.* Русский космизм // Русский космизм: Антология философской мысли. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 3–33.
5. *Куракина О.Д.* Русский космизм как социокультурный феномен. М.: МФТИ, 1993. 184 с.

6. *Hagemeister M.* Russian Cosmism in the 1920s and Today // *The Occult in Russian and Soviet Culture* / Bernice G. Rosenthal (ed.). Ithaca, London: Cornell UP, 1997. P. 185–202.

7. *Young G.M.* The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers. New York: Oxford University Press, 2012. 512 p.

8. *Карчевцев О.А.* Русский космизм // *Грёзы о Земле и небе: Антология русского космизма*. СПб.: Художественная литература, 1995. С. 5–25.

9. *Гройс Б.* Русский космизм: биополитика бессмертия // *Гройс Б. Русский космизм. Антология*. М.: Ад Маргинем Пресс, Фонд развития и поддержки искусства «Айрис», 2015. С. 6–29.

10. *Иванов Вяч.Вс.* Диалог. Сложность сознания и связь с космосом // *Иванов Вяч.Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры: В 2 т. Т. I: Знаковые системы кино. Поэтика*. М.: Языки славянской культуры, 1999. С. 577–584.

11. *Пенская Е.Н.* Проблемы альтернативных путей в русской литературе. М.: Carte Blanch, 2000. 312 с.

12. *Лёнквист Б.* Мироздание в слове. Поэтика Велимира Хлебникова. СПб.: Академический проект, 1999. 234 с.

13. *Хлебников В.* Собрание сочинений: В 6 т. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2003–2006.

14. *Баран Х.* О Хлебникове. Контексты, источники, мифы. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2002. 416 с.

15. Велимир Хлебников в новом тысячелетии: Антология. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 512 с.

16. *Хлебников В.* Автограф // *Электронный архив русской литературы*. URL: <http://hlebnikov.literature-archive.ru/ru>

17. *Сухово-Кобылин А.В.* Учение о времени и пространстве. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 97. 29 л.

18. *Хлебников В.* Творения. М.: Советский писатель, 1986. 736 с.

19. *Сухово-Кобылин А.В.* Учение Всемир. Инженерно-философские озарения. М.: С.Е.Т., 1995. 215 с.

20. *Сухово-Кобылин А.В.* Картины прошедшего. Л.: Наука, 1989. 360 с.

21. *Сухово-Кобылин А.В.* Философские наброски. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 94. 32 л.

22. *Сухово-Кобылин А.В.* Философские письма. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 11–22.

23. *Сухово-Кобылин А.В.* Словарь. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 38–43.

24. *Сухово-Кобылин А.В.* Эмпирические открытия. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 49.

25. *Сухово-Кобылин А.В.* Явление в мир новой науки. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 23–25.

26. *Бабков В.* Контексты Досок Судьбы. М.: Рубеж столетий, 2000. 286 с.

27. *Дуганов Р.В.* Велимир Хлебников и русская литература. М.: Прогресс-Плеяда, 2008. 384 с.

28. *Кедров К.А.* Вселенная Велимира Хлебникова // *Кедров К.А. Поэтический космос*. М.: Советский писатель, 1989. С. 164–202.

29. Григорьев Виктор. Грамматика идиостиля // Будетлянин. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 57-205.
30. Хлебников Велимир. Время мера мира. Пг.: Тип. Л. Я. Ганзбурга, 1916. 21 с.
31. Хлебников Велимир. РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 98.
32. Хлебников Велимир. РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 83.
33. Хлебников Велимир. РГАЛИ. Ф. 527. Оп. 1. № 75.
34. Сухово-Кобылин А.В. Философские письма. Поход к Эзекиилу. Анаксагоров ряд. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 46-47.
35. Сухово-Кобылин А.В. Философские письма. Рассудочный мир. РГАЛИ. Ф. 438. Оп. 1. № 32–34.
36. Седакова О. Контуры Хлебникова: Некоторые замечания к статье Х. Барана // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 568–584.
37. Баран Х. Поэтическая логика и поэтический алогизм Велимира Хлебникова // Мир Велимира Хлебникова: Статьи. Исследования (1911–1998). М.: Языки русской культуры, 2000. С. 550–567.

KHLEBNIKOV AND SUKHOVO-KOBYLIN. ON THE PROBLEM OF THE TEXTOLOGY OF RUSSIAN COSMISM

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 158–180. DOI: 10.17223/24099554/12/8

Elena N. Penskaya, High School of Economics (Moscow, Russian Federation).
E-mail: e.penskaya@gmail.com

Keywords: A.V. Sukhovo-Kobylin, V. Khlebnikov, philosophy of cosmism, convolts, translation strategy, handwritten source, textual twist, language transfer.

The study was conducted as part of the Russian Science Foundation project No. 19-18-00353, National Research University Higher School of Economics.

Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin are artists that can be described using Khlebnikov's definition: a "self-valuable word". Utopia as a dramatic penetration of the philosophy of creativity into practical life is the main point that distinguishes Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin from pre-symbolists, symbolists, modernists and brings them close to each other. Yuri Tynyanov called Khlebnikov the "Lobachevsky of words". S.T. Aksakov perceived Sukhovo-Kobylin as a "mad mathematician". Perhaps, Vyacheslav Ivanov was first to intuitively put Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin on a par with each other. In his dialogue on the complexity of consciousness and connection with cosmos, he speaks about the classification of types of civilization according to the level of technological development. Ivanov considers Sukhovo-Kobylin to be the forerunner of modern reflections on this subject. Sukhovo-Kobylin's cosmism fits into a corpus of texts, the framework of which is limited by three components: the philosophy of Vsemir, Hegel's translations and the theatrical cycle. All of Khlebnikov's gestures, enshrined in the word, have the energy of cosmos, among which *The*

Boards of Fate is the most representative, cosmos-forming. It is a book that combines chronological tables of historical events, dates of the lives of great people, algebraic formulas with the equations of writers' lives ("The Equation of Gogol's Life"), poems, philosophical arguments, thoughts and notes from notebooks. It also has numerous draft notebooks, albums and separate drafts with notes of calculations. Sukhovo-Kobylin and Khlebnikov are connected by a constant desire to structure and streamline the universe. This general tendency is differently realized in different periods, it has different biographical and creative motivations. Khlebnikov's and Sukhovo-Kobylin's search for orderliness and a single logic often revolved around historical events, names and dates. Particular sensitivity to number series also united them. Each followed his own way of thinking in search of algorithms with rigorous mathematical proof. The world of numbers appears in both Sukhovo-Kobylin's and Khlebnikov's works as belonging to the theater, acting, masquerade. Khlebnikov and Sukhovo-Kobylin, in a sense, are directors of a universal performance and intermediaries and translators in creating a special "language of cosmos". Both create a "speech transfer", transcribing everyday speech in mathematical signs and symbols. Numbers and words in this system of "Russian cosmism" reliably and clearly convey the "multi-extended unity of the world". The use of the authors' archives (Russian State Archive of Literature and Art, Institute of Russian Literature) allows outlining the contours of the original life of handwritten sources, reconstructing the original environment of the works and revealing more fully the meta-links with other texts.

References

1. Virolaynen, M.N. (1995) "Sdelaem sebe imya". Velimir Khlebnikov i M.P. Pogodin: mif chisla ["Let's make a name for ourselves." Velimir Khlebnikov and M.P. Pogodin: The myth of number]. In: Gerasimova, N.M. (ed.) *Imya – syuzhet – mif: problemy russkogo realizma* [Name – plot – myth: problems of Russian realism]. St. Petersburg: St. Petersburg State University. pp. 149–159.
2. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 527. List 1. No. 9. Khlebnikov, V. *Ladomir. Avtograf* [Ladomir. Autograph]. Elektronnyy arkhiv russkoy literatury [Electronic archive of Russian literature]. [Online] Available from: <http://hlebnikov.literature-archive.ru/ru/content/ladomir-poema-chernovoy-avtograf>.
3. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 55. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie pis'ma, ili etyudy spekulativnoy filosofii v ee postupanii za gegelizm. I tom. Varianty* [Philosophical letters, or essays of speculative philosophy in promotion for Hegelism. Volume 1. Variants].
4. Semenova, S.G. (1993) Russkiy kosmizm [Russian cosmism]. In: Semenova, S.G. & Gacheva, A.G. (eds) *Russkiy kosmizm: Antologiya filosofskoy mysli* [Russian cosmism: an anthology of philosophical thought]. Moscow: Pedagogika-Press. pp. 3–33.
5. Kurakina, O.D. (1993) *Russkiy kosmizm kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Russian cosmism as a sociocultural phenomenon]. Moscow: MIPT.

6. Hagemester, M. (1997) Russian Cosmism in the 1920s and Today. In: Rosenthal, B.G. (ed.) *The Occult in Russian and Soviet Culture*. Ithaca; London: Cornell University Press. pp. 185–202.
7. Young, G.M. (2012) *The Russian Cosmists: The Esoteric Futurism of Nikolai Fedorov and His Followers*. New York: Oxford University Press.
8. Karchevtsev, O.A. (1995) Russkiy kosmizm [Russian cosmism]. In: Karchevtsev, O.A. (ed.) *Grezy o Zemle i nebe: Antologiya russkogo kosmizma* [Dreams about the Earth and the sky: An anthology of Russian cosmism]. St. Petersburg: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–25.
9. Groys, B. (2015) *Russkiy kosmizm. Antologiya* [Russian cosmism. An anthology]. Moscow: Ad Marginem Press, Fond razvitiya i podderzhki iskusstva “Ayris”. pp. 6–29.
10. Ivanov, Vyach.Vs. (1999) *Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury: V 2 t.* [Selected works on semiotics and cultural history: In 2 vols]. Vol. I. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 577–584.
11. Penskaya, E.N. (2000) *Problemy al'ternativnykh putey v russkoy literature* [Problems of alternative ways in Russian literature]. Moscow: Carte Blanch.
12. Lönnqvist, B. (1999) *Mirozhdanie v slove. Poetika Velimira Khlebnikova* [The Universe in the Word. Poetics of Velimir Khlebnikov]. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
13. Khlebnikov, V. (2003–2006) *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Collected Works: In 6 vols]. Moscow: IWL RAS, Nasledie.
14. Baran, H. (2002) *O Khlebnikove. Konteksty, istochniki, mify* [On Khlebnikov: contexts, sources, myths]. Moscow: RSUH.
15. Teryokhina, V. (ed.) (2012) *Velimir Khlebnikov v novom tysyacheletii: Antologiya* [Velimir Khlebnikov in the new millennium: An anthology]. Moscow: IWL RAS.
16. Khlebnikov, V. (n.d.) *Avtograf* [Autograph]. [Online] Available from: <http://hlebnikov.literature-archive.ru/ru>.
17. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 97. 29 p. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Uchenie o vremeni i prostranstve* [The doctrine of time and space].
18. Khlebnikov, V. (1986) *Tvoreniya* [Works]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
19. Sukhovo-Kobylin, A.V. (1995) *Uchenie Vsemir. Inzhenerno-filosofskie ozareniya* [The Vsemir teaching. Engineering and philosophical insights]. Moscow: S.E.T.
20. Sukhovo-Kobylin, A.V. (1989) *Kartiny proshedshego* [Pictures of the past]. Leningrad: Nauka.
21. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 94. 32 p. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie nabroski* [Philosophical drafts].
22. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 11–22. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie pis'ma* [Philosophical letters].
23. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 38–43. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Slovar'* [Dictionary].

24. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 49. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Empiricheskie otkrytiya* [Empirical discoveries].
25. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 23–25. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Yavlenie v mir novoy nauki* [The emergence of a new science in the world].
26. Babkov, V. (2000) *Konteksty Dosok Sud'by* [Contexts of The Boards of Fate]. Moscow: Rubezh stoletiy.
27. Duganov, R.V. (2008) *Velimir Khlebnikov i russkaya literatura* [Velimir Khlebnikov and Russian literature]. Moscow: Progress-Pleyada.
28. Kedrov, K.A. (1989) *Poeticheskiy kosmos* [The poetic cosmos]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 164–202.
29. Grigor'ev, V. (2000) *Budetlyanin* [Future-ling]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 57–205.
30. Khlebnikov, V. (1916) *Vremya mera mira* [Time is a measure of the world]. Petrograd: Tip. L. Ya. Ganzburga.
31. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 527. List 1. No. 98. *Velimir Khlebnikov*.
32. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 527. List 1. No. 83. *Velimir Khlebnikov*.
33. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 527. List 1. No. 75. *Velimir Khlebnikov*.
34. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 46–47. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie pis'ma. Pokhod k Ezekilyu. Anaksagorov ryad* [Philosophical letters. Ф мшыше to Ezekiel. Anaxagoras].
35. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund 438. List 1. No. 32–34. Sukhovo-Kobylin, A.V. *Filosofskie pis'ma. Rassudochnyy mir* [Philosophical letters. The rational world].
36. Sedakova, O. (2000) Kontury Khlebnikova: Nekotorye zamechaniya k stat'e Kh. Barana [The contours of Khlebnikov: Some comments on the article of H. Baran]. In: Ivanov, V., Papernyy, Z. & Parnis, A. (eds) *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya (1911–1998)* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research (1911–1998)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 568–584.
37. Baran, H. (2000) Poeticheskaya logika i poeticheskiy alogizm Velimira Khlebnikova [Poetic logic and poetic alogism of Velimir Khlebnikov]. In: Ivanov, V., Papernyy, Z. & Parnis, A. (eds) *Mir Velimira Khlebnikova: Stat'i. Issledovaniya (1911–1998)* [The World of Velimir Khlebnikov: Articles. Research (1911–1998)]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury. pp. 550–567.